

Новая Жизнь

№ 10598 ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СУББОТА, 3-го (10-го) СЕНТЯБРЯ 1905 ГОДА.

посы. И тот и другой недовко дѣлали роль, п только. Играли бы проше—было бы лучше. Меньше бы думали объ особенныхъ «чеховскихъ» тонахъ, о какихъ-то узорительныхъ паузахъ и переходахъ—и тѣмъ бы спасли спектакль отъ пошлостной скуки.

И помимо первое представление «Чайки» на Александринскомъ театрѣ, то самое теперь уже историческое представление, съ котораго описанный Чеховъ бѣжалъ изъ Петербурга. Помню и посѣдующія представления, шедшія съ возрастающимъ успѣхомъ. Многие, не зная тогдашняго исполненія, сваливаютъ всю вину перваго неуспѣха на постановку. Могу заверить, что это была самая лучшая изъ всѣхъ постановокъ «Чайки», какія мы когда-либо доводились видѣть. Правда, актеры плохо понимали тогда чеховскіе подтонуны и настроенія, но зато не было ни одной роли, которая бы не запомнилась яркимъ, живымъ образомъ. Давыдовъ—Соринъ, Сазоновъ—Тригоринъ, Доскинова 1-я—Аркадина, Варламовъ—Шамраевъ,—они невольно вспоминались при всѣхъ позднѣйшихъ постановкахъ. Они не только не проваливали Чехова, но спасали его новое дѣтище отъ равнодушна толпы. Играли съ рѣдкимъ подъемомъ, съ рѣдкой настойчивостью. Сами еще еле-еле разбирались въ тѣхъ новыхъ вѣяніяхъ, которыя знаменовали собой прілетѣ чеховской «Чайки», актеры, какъ бы ни за что не хотѣли утѣснить ее, не обративъ на нее вниманія публики. Они удержали массу на сценѣ и заинтересовали ея зрителей силою своего таланта, потому что они всѣ были талантливые люди и прекрасно играли. Та же г-жа Комиссаржевская играла тогда съ передающимся волненіемъ, хотя и не съ тѣми же настроеніями, которыя теперь всегда у нея подъ рукой. Какъ нервно дрожала ея голова въ первой сценѣ, когда она читала свой символическій монологъ! Нина Зарѣчная оживала въ ней тогда всѣмъ трепетомъ, нѣжной дѣвической души и чудесный голосъ вибрировалъ, какъ живая струна. Какой радостной пугайей влетало ей чувство въ слѣдующихъ двухъ дѣйствіяхъ и какимъ несчастнымъ, печальнымъ существомъ возвращалась она къ финалу. И не хочу сказать, чтобы г-жа Комиссаржевская и теперь не производила впечатлѣнія. Напротивъ ея игра отличается печатно большого сценическаго таланта. Но теперь это слишкомъ виртуозно, слишкомъ все на подтонулахъ, на свѣтотѣни, тогда какъ раньше было больше непосредственнаго чувства, нормы и сѣмкости. То была свирѣль, это—спринка виртуоза.

Что касается специальныхъ «чеховскихъ» типовъ, то часть ихъ изображенія, какъ извѣстно, принадлежитъ московскому художественному театру. Если первая постановка на Александринской сценѣ дала «Чайку» жанровую типичность, то московская постановка Станиславскаго навсегда утвердила за ней психологическія настроенія. Но и въ этомъ отношеніи никто изъ новѣйшихъ режиссеровъ не придумалъ ничего новаго и не представлялъ ничего, кромѣ дешевой заимствованности. Театръ г-жи Комиссаржевской погнался и за типичностью и за психологическими. Но вѣсто первой онъ далъ лишь грубое передразниваніе природы, непротуствованное, непродуманное, а вторыхъ—заимствъ заимствованнымъ режиссерамъ колотунскъ, поспѣшанный, зыбланный и пр. Общее впечатлѣніе—скука. Она гнала со сцены стрѣми хлопьями. Г. Браничъ въ роли Тригорина только-что былъ выносивъ. Въ началѣ каждаго сезона надо сначала привыкнуть къ его голосу, къ его акценту. Онъ словно какой романъ дурно переведенъ съ польскаго и прибавленъ къ ежечасному семейному журналу. Это—комикъ-резоонеръ. Уклонившись отъ своего амплуа, онъ неизмѣнно колеблется между двумя своими старыми ролями: въ драмѣ это «Вольфъ Пыткова», въ комедіи—«Ольгинъ день». Когда онъ что-нибудь выдумываетъ, выходитъ необыкновенно натянуто, будь то хотя бы самое невѣрное сморканіе. И въ Тригоринѣ онъ что-то такое силится изобразить, ходитъ какъ-то особенно, и тараторитъ глаза и ухмыляется, а все ничего у него не вышло и писательская исповѣдь, плачущая, испривная, въ 2 актѣ звучала у него необыкновенно фальшиво. Г-жа Холмская только помѣтила роль Аркадиной и напрасно переселила по части кричарихъ туалетовъ. Эти туалеты заслонили у нея и тѣ интересныя детали, которыми она кое-гдѣ оживила свой однообразный, валий тонъ.

Г. Феофанъ—съ удареніемъ на конѣ—и всю роль Треплева провела съ такимъ же чрезвычайнымъ удареніемъ. Онъ слишкомъ еще юнъ, слишкомъ горячъ и неопытенъ, чтобы играть такіа роли и, можетъ быть, и вообще играть. Чувствуется темпераментъ, но гораздо больше ужимось и прыжковъ, чѣмъ непосредственнаго выраженія чувства. Во всемъ остальномъ крайне тускломъ ансамблѣ обратила на себя вниманіе г-жа Гарина. Она очень искренно и непосредственно исполнила роль Маши. Но рядомъ съ ней была неестественно намалеванный учитель и докторъ изъ нашь-маше. Неудаченъ и Шамраевъ. Его «браво, Сильва!» и «запенда» не вызвали смѣха. Помните, Шамраевъ рассказываетъ о какомъ-то трипикѣ Измаиловъ, который вѣсто «мы понали въ запендию» сказалъ: «мы понали въ запендию». Вотъ въ такую «запендию» понала и вся «Чайка».

Юр. Бланк.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Театръ г-жи Комиссаржевской открылся «Чайкой» Чехова. Нину Зарѣчную, конечно, играла сама г-жа Комиссаржевская. Остальныхъ—остальные. Постановку представляли какія-то литературныя собесѣдованія артистовъ подъ руководствомъ г. Волынского. Такъ по крайней мѣрѣ сообщалось въ газетахъ. «Чайка» была написана всею волынскою мудростью и поднесена публикѣ какъ лакомое блюдо. Увы, это было очень невкусно. Не то, чтобы не понравилась пьеса, которую всѣ видали и пересматривали, но непріятенъ былъ тотъ специальный душокъ, какимъ отдавала нѣпильная исполнителями безъ малѣйшей типичности отдѣльныхъ личностей, окончательно погубила дѣло. «Нарочное» было особенно слышно на этомъ спектаклѣ. Всѣ исполнители очень нехудо притворялись актрисами, писателями, докторами, учителями, поварами. Не было особенной разницы между Треплевымъ, дѣлавшимъ умное лиро, и поваромъ, намазавшимъ себѣ красивый